себя не так, как прежде, в старину. Меняется все: общественный уклад жизни, обычаи, нравы. Постоянным же оказывается лишь одно — движение самого времени: «время и в старину так же скоро летело, как ныне» (I, 632).

Давно уже было замечено, что в повести «Наталья, боярская дочь» старая Русь представала в идеализированном виде. Один из современников Карамзина С. Глинка подчеркнул именно эту сторону повести в своем стихотворении «Послание к родине моей. 1797»:

Прошли те времена блаженны, несравненны,
В «Наталье» живо толь изображенны,
Когда все жили с простотой,
Когда родных, друзей любили всей душой;

Когда все родину, как нежну мать, любили,
Когда любезную хлеб-соль водили;
Когда всяк русский русским был,
И в уголке своем то счастье находил,
За коим в дальние страны теперь летаем.

Конечно, идеализация прошлого была связана и со скептическим отношением писателя к современному укладу общественной жизни.[22] В этом Карамзин остается продолжателем уже существовавшей традиции русской литературы XVIII в.

Между тем вопрос о преимуществах старого или нового времени решался далеко не однозначно, что объясняется противоречиями исторической концепции Карамзина.

Русская старина, изображенная в «Наталье, боярской дочери», представляла собой некоторую параллель карамзинской Швейцарии. Каждый из героев повести — Наталья, Алексей, боярин Матвей и даже сам государь — близок к идеалу «естественного человека». Все они простосердечны, добры, искренни и во многом наивны. Им как бы противостоит образ автора повести и его «любезного читателя» — людей иной эпохи, знакомых с сочинениями Локка и Руссо, с языком романов, людей «цивилизованных». Автор относится к героям с симпатией, но к ней примешивается и значительная доля иронии.

«Мы не таковы, как брадатые предки наши: тем лучше! — писал Карамзин в «Письмах русского путешественника». — Грубость наружная и внутренняя, невежество, праздность, скука были их долею в самом высшем состоянии, — для нас открыты все пути к утончению разума и к благородным душевным удовольствиям» (I, 417—418). Это суждение, включенное в одно из парижских писем, было опубликовано позднее, чем «Наталья, боярская дочь». Однако эти слова, которые могли быть высказаны и в более ранний период, во многом объясняют позицию

---

[22] См.: *Федоров В. И.* Повесть Н. М. Карамзина «Наталья, боярская дочь». — Учен. зап. Моск. пед. ин-та им. В. П. Потемкина, 1955, т. XLVIII, вып. 5, с. 112—113.